

собственности» ограбленному народу (*restitution des proprietes*) и ограничение права собственности в интересах всего народа.

Истинных проповедников коммуналистического и коммунистического движения 1793 и 1794 гг. нужно, однако, искать не в Конвенте, а в народной среде, в некоторых секциях Парижа, как, например, Гравилье и в Клубе кордельеров, но, конечно, не в Клубе якобинцев. Была даже сделана попытка свободной организации между теми, которых в то время называли «бешеными», т. е. теми, кто стремился к революции в смысле социального равенства. Так, после 10 августа составилась, по-видимому, под влиянием федератов, прибывших в Париж из Марселя и Бреста, род союза между делегатами 48 парижских секций, Совета коммуны и «соединенных защитников 84 департаментов». Когда в феврале 1793 г. начались в Париже движения против биржевых спекуляций, о которых мы говорили в гл. XLIII, делегаты этой организации пришли 3 февраля требовать от Конвента энергичных мер против спекуляторов. В их речи видны уже зачатки мысли, ставшей впоследствии основой «взаимности» Прудона (мютюэлизма) и его Народного банка... Они говорили, что все выгоды, получаемые от обмена в банках, если есть таковые, должны принадлежать всему народу, а не частным людям, так как они составляют продукт *общественного доверия всех ко всем*.

Мы еще мало знаем все эти смутные, не вполне определившиеся движения, бродившие среди народа в Париже и других больших городах в 1793 и 1794 гг. Историки только теперь начинают их изучать; но несомненно то, что коммунистическое движение, представленное Жаком Ру, Варле, Долинье, Шалье, Леклерком, Ланжем. Розою Лакомб, Буасселем и некоторыми другими, имело глубину, которой раньше не замечали, но которую уже угадал Мишле¹.

Очевидно, что коммунизм 1793 г. не представляется с той цельностью доктрины, которую мы находим у французских последователей Фурье и Сен-Симона, т. е. у Кабе, а в особенности у Консидерана или даже у Видаля. В 1793 г. коммунистические идеи вырабатывались не в кабинетах ученых; они возникали в народе из потребностей самой жизни. Вот почему во время Великой революции социальный вопрос проявился в особенности в форме вопроса о *средствах существования и вопроса о земле*. Но в этом и состоит превосходство коммунизма Великой революции по сравнению с социализмом 40-х годов и его позднейших последователей. Первый шел прямо к цели, стремясь разрешить вопрос о *распределении продуктов*.

Нам этот «коммунизм потребления» должен, конечно, казаться отрывочным, тем более что различные его проповедники разрабатывали каждый различные его стороны и не нашлось никого из тогдашних образованных людей, кто свел бы эти требования в стройную, цельную общественную систему. Кроме того, коммунизм того времени оставался, так сказать, *частным коммунизмом*, так как он допускал личное владение наряду с коммунальной собственностью и, провозглашая право всех на все продукты производства, признавал также личное право на «избыток» рядом с правом всех на продукты первой и второй необходимости. Однако же в нем обозначаются уже все три главных вида коммунизма: земельный коммунизм, промышленный и коммунизм в торговле и кредите. И в этом отношении понимание экономических отношений было шире в 1793 г., чем у коллективистов 40-х годов XIX в. (Видадь, Пеккер) или же у социалистов того же времени и последующих, тем более что, если отдельные революционеры налегали в особенности на тот или другой вид коммунизма, они этим не исключали остальных. Наоборот, все эти виды, исходя из одного общего представления о равенстве, дополняли друг друга. В то же время коммунисты 1793 г. не были строителями отвлеченных систем для будущих времен, а вполне разумно стремились провести свои мысли и выводы тогда же *е жизнь* при помощи местных сил на месте и на деле, стараясь в то же время установить *прямой союз* между всеми 40 тыс. коммунами во Франции.

У Сильвена Марешаля замечается даже некоторое стремление к тому, что теперь называется свободным коммунизмом, хотя, конечно, все высказывалось тогда с большой сдержанностью, так как за слишком откровенное выражение своих мыслей приходилось рисковать и платить головой.

Мысль о том, что до коммунизма можно дойти путем заговора и государственного переворота при помощи тайного общества, которое захватит власть, - мысль, апостолом которой стал Бабеф,

---

¹ Весьма вероятно, что кроме проповеди коммунизма в секциях и народных обществах были сделаны также с августа 1792 г. попытки основать тайные коммунистические общества, распространенные в 1794 г. Буонарроти и Бабефом и впоследствии, после революции 1830 г., давшие начало тайным обществам бланкистов, называвшихся «коммунистами-материалистами» в противоположность религиозным коммунистам.